

ОБРАЗ КЛЭГГЕРТА КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ЗЛА В РОМАНЕ ГЕРМАНА МЕЛВИЛЛА «БИЛЛИ БАДД»

В статье рассматривается воплощение образа «абсолютно-го антагониста» в романе Германа Мелвилла «Билли Бадд», прослеживается художественная логика рассуждений писателя о значимости исследования темных сторон человеческой души.

Ключевые слова: зависть, антагонист, греховность, природное зло, идеи «сердца» и «разума».

Размышляя о том, что делает творчество Мелвилла столь значимым для современной мысли, какое произведение писателя явилось наиболее значимым вообще, Альфред Казин обращает особое внимание на роман «Билли Бадд» (Billy Budd, Sailor: An Inside Narrative). С одной стороны, это финальное творение писателя, а с другой — в романе, полагает Казин, Мелвилл приходит к компромиссу в своих неустанных поисках истины, находит ответ на свои многочисленные вопросы [1, с. 159]. Ответ этот, по мнению критика, — Закон, авторитарная власть как единственное решение «полной анархии» масок предыдущего (и последнего прижизненно опубликованного) романа «Искуситель» (The Confidence-Man: His Masquerade). На наш взгляд, Мелвилл не приходит к какому-либо определенному решению в романе, но задается вопросами ответственности личности, человеческого выбора и, несомненно, вопросом природы зла в человеческой душе.

Личное негативное отношение писателя к трагическому исходу повествования не дает возможности согласиться с тем, что, завершая роман сценой казни оклеветанного матроса Билли Бадда, Мелвилл усматривает в этом некую высшую справедливость. Так, заключительная глава романа повествует о памяти простых матросов о Билли Бадде, которые «инстинктивно чувствуют», что Бадд не был способен ни на мятеж, ни на преднамеренное убийство. Здесь также приведена баллада, сочиненная одним из матросов, «Билли в кандалах», воспевающая трагическую судьбу невинно осужденного. «Инстинктивное чувство» здесь контрастирует с сухими, логичными, однако лживыми фактами «отчета» о произошедшей на «Неустрашимом» расправе над «мятежником». Тот факт, что Мелвилл намеренно завершает повествование этим «инстинктивным», «человечным» чувством простых людей к невинно осужденному матросу, свидетельствует о глубокой горечи самого писателя в связи с самой возможностью подобного исхода событий. «Билли Бадд» не является «принятием», или же согласием, писателя с несправедливостью миропорядка. «Теория принятия» отстаивалась многими критиками (Weaver, Sedgwick), провозгласившими смирение писателя с тем, как Бог распоряжается судьбами людей: справедливо или нет, осуждать Его решения мы не вправе.

*© Ясько Е.С., 2012

Ясько Екатерина Сергеевна, (e.s.yasko@gmail.com), кафедра английской филологии Московского городского педагогического университета, 129266, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.

Противоположная точка зрения на отношение Мелвилла к событиям романа утверждает, напротив, абсолютное неприятие писателем осуждения невинного (Withim, Thompson), однако одновременно подчеркивает и радикально отрицательное отношение Мелвилла к судьбоносному решению капитана Вира, и абсолютное отрицание какого бы то ни было Высшего порядка. Однако с подобной интерпретацией, а также трактовкой образа Вира как воплощения божественной греховности (Л. Томпсон) едва ли можно согласиться. Обратим внимание хотя бы на сцену гибели самого капитана Вира, сраженного пулей с корабля под названием «Атеист» и перед смертью повторяющего имя Билли Бадда. Полагать капитана Вира лишь неким «инструментом» действующего Закона (в данном случае – Морского Устава) было бы несостоятельным. Таким образом, ни покорное согласие с гибелью невинно осужденного матроса, ни радикальное противостояние существующему миропорядку, на наш взгляд, не были присущи писателю. Кратко рассмотрим основные этапы развития критической мысли в отношении этого романа, до сих пор вызывающего неоднозначные интерпретации. Хотелось бы также обратить внимание на тот факт, что, к сожалению, в русской американистике роману не уделялось достаточного внимания (о «Билли Бадде» как об одной из «длинных» морских повестей Мелвилла писали Ю. Ковалев, Д. Урнов, Е. Нечепорук). Роман был начат Мелвиллом в 1888 г., и в год смерти писателя он был завершен. Надо отметить, что создание «Билли Бадда» имело под собой реальную подоплеку – это случай с расправой над невинными моряками, в расследовании которого (и вынесении карательного приговора) принимал непосредственное участие родственник писателя (так называемое «Дело Сомерса» 1842 г.). Раймонд Уивер (Raymond Weaver), один из первых интерпретаторов творчества Мелвилла, обнаружил неопубликованную рукопись «Билли Бадда» в 1919 г. Наряду с некоторыми другими первооткрывателями творчества писателя (J. Mury, E. Watson) Уивер развивал идею о том, что «Билли Бадд» является собой повествование о борьбе добра и зла, завершившееся трагическим исходом. Однако дальнейшее развитие критической мысли в отношении романа свидетельствует о том, что конфликт произведения не является столь очевидным.

Образы главных героев романа – Билли Бадда, Джона Клэггерта и капитана Вира – интерпретировались на протяжении довольно долгого времени как Христос, Сатана и Бог-Отец соответственно, причем с единственной вариацией интерпретации образа капитана Вира (а не Билли) как главного героя романа (Mumford, Winters, Weir). Определенная переоценка романа произошла во второй половине двадцатого века с развитием идей о том, что «Билли Бадд» был не столько результатом личного опыта Мелвилла или же критической оценкой христианских идеалов, но всецело являлся романом-иронией (Schiffman, Campbell). Однако ирония в романе, несомненно, глубоко трагична, и критика писателем христианских идеалов не представляется нам целью создания романа. Нередки были и попытки анализа основного конфликта произведения в психоаналитическом ключе: биографы традиционно отмечают напряженные отношения Мелвилла со своим собственным отцом, несправедливое отношение и излишнюю строгость отца по отношению к Мелвиллу. М. Белл замечает, что проблемы власти, тирании, истины становились центральными во многих произведениях писателя, «конфликт между тиранией и истиной для него был одновременно общеполитический и глубоко личный», заключает критик [2, с. 198]. Возможно, однако, что личный конфликт в «Билли Бадде» усматривается не столько на уровне семейном, сколько на уровне веры и сомнений самого писателя. На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что «Билли Бадд» – это не просто описание событий, действительно имевших место – роман носит знаковый характер, он венчает творчество Мелвилла, ведь именно «Билли Бадда» традиционно считают духовным завещанием писателя.

Очевидно, что произведение осмысливалось в первую очередь на уровне аллегорической борьбы добра со злом, а одной из ключевых тем романа становится вопрос о том, почему человек сознательно причиняет другим боль и страдание. Здесь возникает проблема анализа сущности зла в произведении, воплощенного в образе абсолютного антагониста — каптенармуса Клэггерта, своей клеветой обрекшего невинного Билли на гибель. Сложность представляет кажущееся отсутствие каких-либо адекватных мотивов для желания Клэггерта причинить зло, его действия не могут быть объяснены в рациональном ключе. Сам Мелвилл отмечает таинственность природы зла: «тут есть тайна, но, говоря языком Писания, это “тайна неправедности”» [3, с. 318]. Вместе с тем кажущаяся необъяснимость природы антагониста, с нашей точки зрения, должна повлечь за собой попытку анализа природы Клэггерта, истоков ее абсолютной греховности, а также определение значения этого «воплощения греховности» и «безнравственности от природы» [3, с. 289] в канве всего повествования.

В некотором роде образ Клэггерта воплощает понимание самим Мелвиллом вины, греха в кальвинистском представлении. Клэггерт скрывает свою истинную сущность под маской общепринятых приличий. Видя в образе Билли, этого «прекраснодушного дикаря», все то, что ему остается недоступно, что чуждо его природе, Клэггерт мучим желанием разрушить этот идеальный образ, причем «зло от природы» каптенармуса приравнивается писателем к маниакальному безумию. Интересно, что безумие Клэггерта основано на холодной интеллектуальности, что роднит его с персонажами Наталиа Готорна, такими как, к примеру, Роджер Чиллингуорт.

Парадоксальным образом, в случае Клэггерта, презрение к невинности сочетается с осознанием собственной ее недостижимости, желанием ее обретения — сродни зависти Сатаны к невинности Адама и Евы. Как и библейский Сатана, Клэггерт превосходит Билли интеллектуально, его отличают «незаурядный ум, безукоризненная трезвость, вкрадчивая лъстивость». Но весь его облик — лишь маска, и даже прошлое его «скрыто мраком неизвестности», а глубоко укорененная безнравственность Клэггерта «драпируется в мантию благопристойности» [3, с. 281]. Клэггерт лжив — и это свойство также выступает очевидной аллюзией на образ Сатаны (Сатана — обманщик, клеветник). Таким образом, мотивы сокрытия, лжи, зависти, клеветы в романе, несомненно, указывают на связь Клэггерта с образом библейского Сатаны. Клэггерта нетрудно было «принять за человека благородного — и в прямом, и в переносном смысле» [3, с. 159], однако, несмотря на облик, воплощающий общепринятые приличия, он выдает свою истинную сущность. Обратим внимание на изменчивость внешности Клэггерта в сцене открытой клеветы на Билли: «...глаза обвинителя вдруг непонятным образом преобразились: их обычный глубокий фиалковый тон помутнел, стал грязновато-лиловым. Эти светильники человеческого разума вдруг утратили все человеческое...» [3, с. 309] Порочность Клэггерта тем опасна, что она «надежно укрыта» и остается непроницаемой для неиспорченной природы Билли. Билли Бадд же, напротив, не обладает ни «особой остротой ума или мудростью змеи», он наделен, по выражению Мелвилла, «здравым смыслом и нравственным чутьем неиспорченного человека, которого еще не угостили сомнительным яблоком познания» [3, с. 266]. Как мы видим, здесь имплицирована аллюзия на состояние «до-грехопадения» и образ эдемского Змея (последний повторно обыгрывается в финале романа, где Билли и капитан Вир держат бездыханное тело Клэггерта и будто «сгибают мертвую змею» [3, с. 310]).

Весь роман Мелвилла соткан из символов, и сами герои — Билли, капитан Вир, Клэггерт — являются обобщенными образами. Значимы здесь и их имена. Билли Бадд (Budd) воплощает образ нераспустившегося цветка, кроме того, уменьшительное обращение «Билли» делает дополнительный акцент на молодости, невинности матро-

са. В имени капитана Ферфакса Вира (Fairfax Vere) одновременно имплицирована истина (*veritas, verity*) и справедливость (*fair*). Однако если образы Билли и Клэггерта, их нравственный облик прямо соотносятся с их именами, в случае с капитаном Виrom прослеживается очевидная ирония Мелвилла: принятое Виrom решение о казни невинного матроса нельзя назвать справедливым и соответствующим истине.

Создавая идеальный образ Билли Бадда, Мелвилл допускает наличие у него одного «недостатка» – заикания. Этот «недостаток» Билли дал повод некоторым критикам (к примеру, Randall Stewart) считать заикание Билли символом первородного греха. Но едва ли можно согласиться с подобной интерпретацией. «Недостаток» Билли здесь скорее выступает символом его *человечности*. В то же время льстивость, вкрадчивость «сладкоголосого» Клэггерта явно указывают на сходство антагониста с библейским Сатаной.

Весьма интересной представляется символика белого цвета в романе, как бы выполняющая двоякую функцию: здесь белый цвет выступает и цветом невинности, и символом опасности, символом нечеловеческого, возможно, потустороннего (подобно белому цвету в романе «Моби Дик»). Так, перед казнью одежда Билли «смутно белела в полутьме», а «робкий смиренный свет забрезжил на востоке за легкой колышущейся дымкой, которая курчавилась, словно белое руно» [3, с. 331]. Эпитет «смиренный», сравнение света с «белым руном» связаны в данном контексте с образом Христа, подчеркивая абсолютную невинность казненного матроса. В то же время белый цвет лица каптенармуса, его бледность несут явную негативную оценку: «...эта бледность, казалось, свидетельствовала о каком-то отклонении или пороке». Бледность Клэггерта сочетается в его образе с холодностью, снова акцентируя противостояние горячности сердца Билли и ледяной расчетливости его антагониста: «...стремясь к осуществлению цели, которая по бессмысленной злобности кажется порождением безумия, такой человек подчиняет свои действия холодным велениям здравого рассудка», – замечает Мелвилл [3, с. 289]. Эта маниакальная злоба Клэггерта не имела истоков общественных, не была следствием воспитания, но, отмечает Мелвилл, была «врожденная, присущая самой его натуре» [3, с. 289]. По замечанию С. Элфорда, зло не состоит исключительно в причинении вреда, истинное зло неизменно сопровождается получением удовольствия от возможности полного контроля над жертвой [4, с. 21]. Любопытно, что подобной точки зрения придерживается, по данным ученого, большинство опрошенных преступников: одними из ведущих качеств, присущих истинному злодею, они полагают холодность, и даже «холодную радость», без малейшего намека на человечность. Эта холодность на символическом уровне может быть соотнесена также с отсутствием способности *создавать* (но только нести разрушение), осознанием своей обреченности и безнадежности (возможно, сходным образом грешников в девятом круге «Ада» Данте окружает вечный холод).

Остановимся несколько подробнее на феномене зависти Клэггерта: зависть выступает в романе как мотив к совершению злодеяния. Однако зависть Клэггерта несколько особая: как замечает сам Мелвилл, она гнездилась глубже, чем обычное человеческое чувство зависти. У Клэггерта зависть сопровождается антипатией, причем антипатией в абсолютном масштабе. Эта «глобальная антипатия» заключается в том, что, как и сам падший Ангел, Клэггерт питает «презрение к невинности духа». Вместе с тем он осознает в себе природное зло, хотя и умеет «хорошо его скрывать, постигая добро, но, не имея сил прийти к нему, в чем мог Клэггерт обрести выход?» – задается вопросом Мелвилл [3, с. 291]. Эта фраза, брошенная будто случайно, наводит, однако, на мысль о мотиве *предопределения*, в частности, судьбы Клэггерта, предрешенности исхода борьбы добра и зла: «его натура, заряженная энергией, как все ей подобные, была способна лишь обратиться на самое себя и, подобно скорпио-

ну, которого творец создал так, а не иначе, сыграть до конца назначенную ей роль» [3, с. 291].

Проблема зла, как бы она ни была сопряжена со многими другими проблемами (к примеру, социального толка), неизменно выходит на проблему греха. Однако мотив грехопадения Мелвилл использует вовсе не для иллюстрации падения Билли-Адама. Напротив, вина как бы проецируется на само общество, допустившее казнь невинного. Общество это в лице капитана Вира стремится снять с себя вину за произошедшую трагедию. Будучи «строгим блюстителем устава и дисциплины», капитан Вир не только воплощает здесь то, что Н. Готорн называет «религией рассудка» (в противоположность «религии сердца»), но, более того, снимает с себя ответственность за осуждение невинного: «...сражен ангелом господним. И, тем не менее, ангела должно повесить!» [3, с. 311] Это «должно» здесь удивительным образом оказывается выше рассудка, здравого смысла, превращаясь в бездумное подчинение порядку: «...ответственность за этот закон и за его строгость лежит не на нас: как бы безжалостен ни был закон, мы следуем ему и исполняем его», — заявляет Вир [3, с. 320]. Таким образом, «человечная» мораль выступает в романе и против Закона: по словам капитана Вира, не он обрекает на смерть Билли, но именно существование Закона делает необходимым принятие капитаном такого трагического решения. С позиции капитана, нельзя было бы позволить, чтобы «жар сердца возобладал над рассудком, которому надлежит быть холодным» [3, с. 321]. Холодность рассудка здесь, очевидно, также противопоставляется горячности и простодушию Билли: «Какими бы ни были побуждения, руководившие каптенармусом, и чем бы ни был вызван удар, военный суд в настоящем случае рассматривает лишь следствие этого удара, каковое следствие, бесспорно, проистекало из действий подсудимого», заключает капитан, принимая, таким образом, во внимание лишь следствие непреднамеренного убийства, но не саму суть конфликта (которую он, безусловно, ощущает внутренне) [3, с. 317].

Рассматривая отношения между героями романа, нельзя не обратить внимания также на несоответствие между их образами и реальными действиями. Так, Билли Бадд невинен и ничем не опасен, однако он убивает. Одновременно Клэггерт, это воплощение «безнравственности от природы», падает невольной жертвой Билли. Капитан Вир, воплощение разума и мудрости, допускает казнь невинного. Подобные несоответствия между образами героев и результатами их деяний делают конфликт романа гораздо сложнее, чем лишь противостояние Клэггерта, порождения Дьявола, и Билли-Адама. Как заключает сам Мелвилл, «невинность и вина, олицетворенные в Клэггерте и Билли Бадде, по сути, поменялись местами» [3, с. 313]. Б. Джонсон, рассуждая о подобных противоречиях, приходит к выводу о том, что невинность на деле соответствует скорее Клэггерту, чем Билли [5, с. 186]. Вместе с тем такое «смещение полюсов», по нашему мнению, воплощается в романе лишь на уровне формальном, но не на уровне сути самого конфликта.

Случай Клэггерта как бы возвращает нас к той проблеме, над которой размышляли и Мелвилл, и Готорн, а именно исследование импульсов «сердца» и «разума». Однако здесь «идея сердца» представлена несколько по-другому: зло исходит не только от разума, но и от сердца. Клэггерт не имеет абсолютно никаких естественных добродетелей, и зависть его к совершенству Билли уходит своими корнями в сердце каптенармуса: «...зависть гнездится в сердце, а не в мозгу, а потому никакой ум не может послужить от нее защитой», замечает Мелвилл [3, с. 291].

Итак, в разработке образа Клэггерта как носителя зла в романе писатель отталкивается в первую очередь от традиционной христианской идеи несправедности, выводя ее, в случае Клэггерта, на уровень абсолютной несправедности. Образ Клэггерта является воплощением дьявольского, кульминационным с точки зрения воплощения зла,

возможно, во всем творчестве Мелвилла. Его обманчивая внешность, сходство с Сатаной, осознанное желание причинить страдание, его неискоренимая зависть к красоте и добру – все это делает Клэггерта абсолютным антагонистом. Более того, в своем стремлении уничтожить Билли как источник добра, Клэггерт неизбежно следует и по пути собственного уничтожения: зло самоуничтожается, оно способно не создавать, но лишь разрушать все вокруг, в том числе и самое себя. В «Билли Бадде» человеческое сердце представляет собой именно тайну, непостижимую и неподдающуюся рациональному объяснению. Лишь приоткрывая завесу над таинственными глубинами души героев, писатель показывает, что истинное зло невозможно объяснить логически, подвергнув его тщательному анализу. Как рассуждает писатель в «Билли Бадде» о значимости исследования темных сторон человеческой души, «знание света, безусловно, подразумевает знание человеческой природы в большинстве ее разновидностей... но знание поверхностное, пригодное для простых житейских целей. Однако если подойти к вопросу глубже, то, на мой взгляд, знание света вовсе не означает знания человеческой природы, и наоборот» [3, с. 287]. Именно исследование темных глубин человеческой природы Мелвилл видит, таким образом, как одну из важнейших задач для осознания проблемы человеческой жизни и мироустройства в целом.

Библиографический список

1. Kazin A. An American Procession. New York: Vintage Books, 1985.
2. Bell M. D. The Development of American Romance. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
3. Мелвилл Герман. Билли Бадд. Л.: Лениздат, 1986. 352 с.
4. Alford C.F. What Evil Means to Us. N.Y.: Cornell University Press, 1997.
5. Milder R. Critical Essays on Billy Budd, Sailor. Boston: G. K. Hall & Co., 1989.

*E.S. Yasko**

THE IMAGE OF CLAGGART AS THE QUINTESSENCE OF EVIL IN HERMAN MELVILLE'S «BILLY BUDD»

The paper examines the idea of absolute antagonist, reflected in the character of Claggart in Herman Melville's novel «Billy Budd». The artistic logic of reasoning of the author on the significance of study of the dark sides of human soul is traced.

Key words: envy, antagonist, depravity, natural evil, ideas of heart and mind.

* Yasko Ekaterina Sergeevna (e.s.yasko@gmail.com), the Dept. of English Philology, Moscow City Teachers' Training University, Moscow, 129266, Russian Federation.